

В БЕСЕДЕ С ИТАЛЬЯНСКИМ ЖУРНАЛИСТОМ ДЖУЛИО НАШИМБЕНИ ИЗВЕСТНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ СКАЗАЛ, ЧТО БОЛЬШЕ ОН НЕ БУДЕТ ДАВАТЬ ИНТЕРВЬЮ.

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ ЖОРЖА СИМЕНОНА?

Кто передо мной: человек или легенда? Вопрос этот возник у меня сразу же, едва я нажал кнопку звонка у двери Жоржа Сименона, живущего в небольшом доме на одной из окраинных улиц Лозанны. Дверь открывает мадам Тереза, и уже через минуту яжимаю руку старому господину в белой рубашке с красным витым шнурком вместо галстука. Да, конечно, он был и остается легендой, этот писатель, издавший сто девятнадцать томов романа под своим именем, двадцать одну книгу мемуаров, надиктованных на магнитофонную ленту, и не поддающееся учету количество романов, повестей и рассказов, опубликованных под шестнадцатью псевдонимами.

Посаживая трубку, Сименон рассказывает, что сейчас он читает биографии Бетховена и Моцарта, что недавно ему исполнилось восемьдесят два года и что в декабре прошлого года ему удалили опухоль мозга — к счастью, доброкачественную.

От «мира Мегрэ» здесь остался, похоже, один лишь символ — коллекция трубок (я насчитал их на каминной полке двадцать штук), но в действительности все совсем не так. Жорж Сименон решил покончить со своим комиссаром в феврале 1972 года, написав последние строки романа «Мегрэ и месье Шарль». Но судьбы литературных персонажей, как известно, неисповедимы: они продолжают существовать и действовать даже после того, как авторам кажется, что все уже кончено. Вот вам пример: на днях в Париже комиссара Мегрэ чествовали во всех тех бистро, куда его заводило воборужение Сименона. Специальной табличкой украшен стол, за которым мог бы сидеть Мегрэ, а в меню перечислены его любимые блюда.

Уже больше двух лет Сименон не дает интервью. Исклочение он сделал лишь потому, что в Италии сейчас выходит его книга «Письмо к моей матери». Посвящение на подаренном мне экземпляре Сименон заканчивает словами, заверяющими, что уж это интервью будет «*Sans doute la dernière*» — действительно последним.

Передо мной тоненькая книжечка — в ней нет и сотни страниц, — написанная им за четыре вечера в 1974 году, через три с половиной года после смерти его девяностолетней матери Анриетты Брюль. Агония женщины продолжалась семь дней, и все эти семь дней Сименон провел у ее постели: «Наконец-то после стольких лет, оба уже старые, мы оказались с глазу на глаз в больнице, где нас окружало столько призраков».

Они редко виделись. После смерти отца Жоржа Анриетта вышла замуж вторично. В отношениях между матерью и сыном не было близости.

И вот теперь, в маленькой больничной палате, под равнодушным взглядом сиделки, начинается что-то вроде последнего диалога. Сименон накапливает воспоминания, выстраивает их одно за другим в памяти, анализирует, пытается пережить все заново и приходит к выводу, что его мать была самым сложным человеком из всех, кого он знал, женщиной, которая могла противостоять ему, сыну, из чувства какой-то непостижимой гордости.

— Господин Сименон, своим «Письмом» вы как бы еще раз подтверждаете старую истину: кто не помнит, тот не живет. Не так ли?

— Каждое человеческое существо сохраняет в себе обрывки воспоминаний о фактах и вещах, особенно сильно поразивших его. Фрагменты воспоминаний, восходящих к детству, — это семя, из которого впоследствии вырастают

именно та, а не иная судьба. В детстве и отрочестве воспоминания впитываются бессознательно, так, что мы сами этого не замечаем. Лишь с возрастом давние события овладевают нашим сознанием, и мы начинаем испытывать груз ответственности даже перед этими воспоминаниями.

— Если бы ваша мать была еще жива, смогли бы вы найти в отношениях с ней тот доверительный, исповедальный тон, который так ощутил в «Письме», где находите у нее и милые черточки, какую-то нежность. Это смерть помогла вам обнаружить их?

— Нет, мой возраст. Старость проливает свет на многие вещи, которые раньше казались темными или запутанными. Так, например, я понял, что моя мать очень много страдала.

— Что труднее — быть молодым или старым?

— Да тут и сравнивать нельзя! Молодым быть труднее. Слишком многое надо решать, выбирать: учение, работу, любовь, семью. Двадцать лет — самый трагический период в жизни.

— Вы единственный в мире человек, отличающийся такой творческой плодовитостью. Верно ли, что в работе над сотнями своих книг вы пользовались не более чем двумя тысячами слов?

— Две тысячи — это слишком много, до такой цифры я не поднимался. Сейчас ученые исследуют этот вопрос. Впрочем, Расин обходился в своей работе восемью сотнями слов. Я всегда старался писать просто, конкретно, избегал абстрактности, так как хотел, чтобы меня понимал каждый. Буало говорил, что когда идет дождь, надо писать «идет дождь», а не «небо плачет». Этим объясняется тот факт, что мои книги переведены на сто тридцать один язык. Перечитывая написанное, я выбрасывал эпитеты пачками.

— Однажды вас спросили: «К чему вы стремитесь как писатель?» Вы ответили: «Я ищу «голого» человека». Что означает этот образ?

— Поиск «голого» человека — цель всей моей творческой деятельности. «Голый» человек — это человек, не принадлежащий ни к какому социальному слою, он таков, каков есть: толстый, худой, красивый, некрасивый, бедный, богатый. Человек, который смотрит в зеркало и видит все свои недостатки, слабости, пороки, шрамы. Его противоположность — человек «одетый» — в силу обстоятельств вынужден жить в самых разных слоях общества, у него есть своя профессия, он может быть рабочим, служащим, торговцем, предпринимателем, и, следовательно, у него свой язык, свой лексикон, он вынужден подчиняться какому-то закону и утрачивает свою естественность.

— А каким считаете себя вы? «Голым» или «одетым»?

— Сейчас я вполне «голый» человек, хотя на протяжении многих лет был «одетым». Чтобы писать, мне приходилось проживать много жизней, существовать с прототипами моих персонажей, жить их надеждами, страданиями, нищетой, величием, иллюзиями. Я встречался с банкирами, бродягами, проститутками, актерами, с людскими, именующими себя политиками...

— Вы хотите сказать, что от поисков других людей вы перешли к поискам себя?

— Совершенно верно, и нашел я себя в 1980 году, когда я написал «Семейные мемуары», посвященные моей дочери Мари-Жо, покончившей жизнь самоубийством на 25-м

* Фрагменты книги Ж. Сименона «Семейные мемуары» были опубликованы в № 39 «ЛГ» за 1984 г. в переводе Н. Поповой.

году жизни, и когда начал диктовать свою автобиографию. До этого я жил «в шкуре» своих персонажей.

— Каким же было это житье?

— Оно было двойственным. Я все чувствовал так же, как мой персонаж; если он болел, мне тоже было плохо, если он сутулился или хромал, я копировал его походку. Я никогда не составлял плана работы. Вдохновение посещало меня во время одиноких прогулок. Если Тереза бывала со мной, ей запрещалось не только разговаривать, но даже отвечать на вопросы, с которыми я сам к ней обращался.

Вообще я человек интуиции и считаю, что люди творческого склада не должны быть интеллектуалами. Они выражают себя через подсознание: все великие открытия были делом случая.

— Можно вас спросить о Мегрэ? Мне хотелось бы знать, отождествляли ли вы себя с ним?

— Лично от себя я дал Мегрэ основное правило своей жизни: понимать, а не судить, потому что в жизни нет преступников, а есть только жертвы. Разумеется, я передал ему и свою любовь к трубкам.

— Откуда взялся ваш девиз: «Понимать, а не судить»?

— Из убеждения, что человек раздавлен машиной правосудия, ее импозантностью. Обвиняемый не понимает языка юристов. Он словно атеист, оказавшийся на мессе. Что могут сказать такому человеку жесты священников, правила литургии? Что означает для него это пение? Я считаю, что каждое общество имеет тех преступников, каких оно заслуживает. И еще могу добавить, что никогда нельзя лишать человека его человеческого достоинства. Самый тяжкий грех — унижать человека.

— Верно ли говорят, что вы плакали, работая над некоторыми своими книгами?

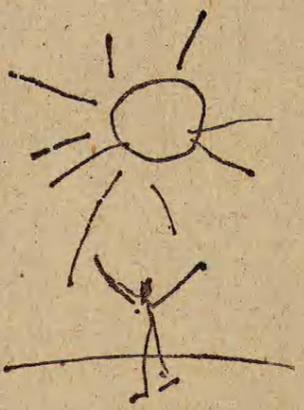
— Вы, конечно, имеете в виду «Семейные мемуары». Но плакал я не только над ними, над другими тоже, над судьбами, придуманными мною. Я пережил много жизней, полных страданий, загубленных, неудавшихся.

— Вы жили в роскошной вилле «Эпаленж», как же теперь вы можете довольствоваться такой небольшой комнатой?

— Это моя тридцать третья квартира, и здесь наконец осуществилась моя мечта — иметь все под рукой. Вы только взгляните: тут у меня кровать, шкафы, телевизор, магнитофон, рабочий стол, стулья, кресла, трубки. И в другую комнату я выхожу только для того, чтобы поесть.

— В одном из интервью со своим другом Федерико Феллини вы сказали, что всем цветам предпочитаете желтый. Почему?

— Я немножко дальтоник и не очень хорошо различаю красный и зеленый цвета. К тому же желтый — это цвет, в который дети раскрашивают солнце. Хотите увидеть мой автопортрет? Чтобы нарисовать его, мне достаточно ручки и листка бумаги. Сейчас нарисую его прямо у вас на глазах. Вот: кривая линия, изобразившая вершину холма, солнце и человек с раскинутыми руками. Человек — «c'est moi», это я, Жорж Сименон.

— Вы еще пишете?

— Да, но больше ничего не опубликую. Все свои бумаги я отдаю Терезе, которая должна их хранить до моей смерти. Я не рассчитывал жить так долго, но счастлив, что живу. Скука мне неизвестна, а дни проходят быстро.

(Из итальянской газеты «Корriere della sera») Перевела Э. ДВИН